

© 1994 г. ПОМАЗАН Н.Г.

ХАРАКТЕРИСТИКА АЛЕМАННСКОГО ДИАЛЕКТА

(Центральный и маргинальные ареалы)

Алеманнский (Alemannisch) — один из древнейших диалектов, который и в наши дни является актуальным социально-функциональным типом немецкой языковой системы. Существовая как диалектное единство в многообразии конкретных региональных проявлений (швабский, нижнеэльзасский, верхнеэльзасский, цюрихско-немецкий, бернско-немецкий и др.), он выделяется среди других немецких диалектов неоднородностью в этническом отношении. Алеманнский обслуживает одновременно несколько "коллективов сношений" [1, с. 112]: немецкоязычную Швейцарию, Баден-Вюртемберг и баварскую Швабию (Германия), Форарльберг (Австрия), Лихтенштейн, Эльзас (Франция) и частично Пьемонт (Италия). Специфика языкового состояния и ситуации¹ в пределах каждого отдельного социума (Швейцария, Германия, Австрия, Лихтенштейн, Франция, Италия) обеспечивают совокупному алеманнскому ареалу своеобразие, которое требует внимательного и углубленного изучения. Следует подчеркнуть, что понятие "алеманнский ареал" не находит однозначной интерпретации. Нередко отдельные его регионы (в частности, швабский, а также так называемые "алеманнские острова") остаются не включенными в это понятие. Между тем учет всех регионов этого исторически сложившегося ареала представляется важным для более полной и объективной оценки места и роли совокупного алеманнского диалекта в структуре современного немецкого языка.

Внутри западногерманского ареала в I в. н.э. вычленились, как известно, три группы племенных диалектов: ингвеонская (североморская), иствеонская (рейнско-везерская) и герминонская, или эрминонская (приэльбская). Часть ингвеонских племен (англы, саксы, юты, фризы), переселившихся в V—VI вв. с юго-восточного побережья Северного моря на завоеванные ими острова кельтской Британии, образовала здесь основу английской народности. На континенте иствеоны (по преимуществу франки) распространили свое влияние на романизованную северную Галлию, завершившееся в конце V в. образованием двуязычного государства Меровингов. В дальнейшем, в V—IX вв., под властью франков в рамках государства Меровингов и Каролингов происходит объединение западногерманских племен: франков (иствеонов), баварцев, или баюваров, алеманнов, турингов, хаттов (герминонов), а также саксов (ингвеонов), в результате чего создаются предпосылки для позднейшего формирования древневерхнемецкого как языка немецкой народности. Герминоны (алеманны, баварцы, лангобарды) с I в. н.э. переселяются из бассейна Эльбы на юг Германии и становятся впоследствии носителями южнонемецких диалектов [3]. К числу последних принадлежит алеманнский диалект, получивший свое название по вышедшим из свевов

¹ Под состоянием языка понимается совокупность его пространственной и социальной вариативности. Компоненты состояния формы существования языка (диалект, обиходно-разговорный язык, литературный язык и др.), функциональные стили (официально-деловой, научный, художественный и др.), формы реализации (письменная, устная). Языковая ситуация рассматривается как "отношение языка (или его части), характеризующегося данным состоянием, к другим языкам или к другой части того же языка, и проявляющееся в различных формах пространственных и социальных взаимодействий" [2, с. 30—31].

алеманнам (основной части герминонов) [4, с. 490]. Племенное название свевов (свебов) сохранили позднее швабы (в течение длительного периода — вплоть до раннего средневековья — понятия "алеманны" и "швабы" употреблялись синонимично, ср. у Валафрида: "provincia Alemannorum vel Suaborum" [5, с. 71—73]). Важно при этом отметить, что наряду с традиционной классификацией древнегерманских племен существует точка зрения, согласно которой к свевам (свебам) относятся и англы [6]. Так, А. Эрдман, опираясь на свидетельства Птолемея относительно локализации местопребывания англов, считает их прародиной именно район Эльбы и Заале и полагает, что англы переселились в Британию после уничтожения тюрингского государства [7]. М.М. Маковский, исследуя проблему соотносимости языка и этноса и их исторической взаимообусловленности, на данных топонимике Англии скрупулезно прослеживает среди них наличие типично алеманнских образований, ср., например, топонимы, элементом которых является этническое название швабов: *Schwabstede* (сев. Англия), *Swaby* (Линкольншир), *Swawe*, *Swafa*, *Swaffham* (Кембридж), *Seven* (сев. Йоркшир), *Sweepstone*, *Sweffling* (Дарбишир) [8, с. 223—241]. Вместе с тем весьма ценными в этом отношении представляются англо-герминонские лексико-семантические параллели в свете этимологии и лингвогеографии, выявленные М.М. Маковским на широком фактологическом материале, например: др.-англ. *dolh* (*dolg*) "Wund", швейц. *Tolgg* "Klecks, meist von Tinte", шваб. *Dolk(en)*, "Tintenklecks"; др.-англ. *flan* "an arrow", совр. сев.-англ. диал. *flane* "an arrow", также *flain*; шваб. *Flander* "dünnere Streifen", эльзас. *Flanderle* "Flitter, Geldflitter", бавар. *Flander*; др.-англ. *gombe* "tribute", совр. сев.-англ. диал. *gombeen* "a village moneylender, usurer", швейц. *gümplen* "trödeln, vergämpferlen" "leichtsinig verschwenden", *gampfen* "schwanken, wechseln, wiegen, schaukeln", шваб. *gampen* "schwanken, schaukeln", тирольск. *gampen*, эльзас. *gampen* [9, с. 61—92, 195—232].

Областью первоначального расселения алеманнов (швабов) считается верховье Рейна. В начале V в., обосновавшись на территории Швабии в долинах Неккара и Дуная, они подчинили себе Баден, Эльзас и область вокруг Боденского озера. Позднее алеманны продвинулись вплотную к реке Лех, а также колонизировали Центральную Швейцарию (область между Цюрихским, Бильским и Тунсгим озерами, подножие Альп и Юры). Полная алеманнизация первоначальной территории Швейцарии (Urschweiz) осуществилась в VI—IX вв. В течение IX—XV вв. границы алеманнского ареала расширяются за счет земель Верхнего Вале (IX—X вв.), кантона Гларус (XI в.), частично Берна, Фрибура и Граубюндена (XII—XV вв.), вошедших позднее в состав Швейцарской Конфедерации, а также вследствие германизации Форарльберга (IX в.), Лихтенштейна (IX—XIV вв.), частично Пьемонта (XIII в.) [10, с. 83]. Таким образом, к началу XV в. границы алеманнского ареала оформляются практически окончательно и не претерпевают впоследствии существенных изменений.

По общности лингвистических признаков алеманнский диалект наряду с баварским (Bairisch) и франкским (Fränkisch) входит в состав верхненемецкого ареала и занимает в нем западную часть (отсюда Westoberdeutsch) [11, с. 482—486]. Внешние границы алеманнского очерчены совокупностью признаков. На севере границу между алеманнским и франкским диалектами образуют изоглоссы: *Pund* ≠ *Pfund*, [lid] ≠ [liəd], *Toch*, *Tog* ≠ *Tag*, [ais] ≠ [eis]. Восточная граница между алеманнским и баварским представлена следующим пучком изоглосс: *is* ≠ *isch* (t), *Er(ge)tag* ≠ *Aftermontag*, *enk* ≠ *ui*. На юго-востоке, юге и юго-западе алеманнский граничит с ретороманскими, ломбардскими и прованскими диалектами соответственно [12, с. 33—39; 13, с. 11—38; 14, 15].

Внутреннее членение алеманнского диалекта традиционно осуществляется на основании совокупности дифференциальных признаков (фонетических, грамматических, словообразовательных, лексических) при одновременном учете историко-географической номенклатуры древних племенных названий, естественных и политико-административных границ выделяемых регионов, а также их про-

странственных координат. При различиях в методике построения классификации разновидностей алеманнского диалекта большинство лингвистов единодушны в оценке его трехчастного характера. Алеманнский в широком смысле предстает как совокупность: 1) верхнерейнского — Oberrheinisch или нижнеалеманнского — Niederalemannisch (территория в долинах Рейна между Шварцвальдом и Вогезами: правобережная часть Баден-Вюртемберга, швейцарско-немецкий Базель, основная часть Эльзаса); 2) швабского — Schwäbisch [юго-восточная часть Баден-Вюртемберга, баварская Швабия (Аугсбург) к западу от реки Лех]; 3) южноалеманнского — Südalemannisch или верхнеалеманнский — Hochalemannisch [южная полоса Баден-Вюртемберга, немецкоязычная Швейцария — кроме Базеля и Замнауна, большая часть Форарльберга и Лихтенштейна, южная оконечность Эльзаса (Зундгау), частично северный Пьемонт] [16, с. 58—94; 17—20; 21, с. 56—58; 22; 23, с. 807—929]. Характерно, что совокупность верхнерейнского (нижнеалеманнского) и швабского нередко именуют североалеманским (Nordalemannisch), в то время как в южноалеманнской (Südalemannisch) разновидности выделяют верхнеалеманнский — Hochalemannisch и горноалеманнский — Höchstalemannisch, иначе горношвейцарско-немецкий — Bergschweizerdeutsch, или валлисский — Walliserdeutsch (Фрибур, южная часть Берна, Вале, Унтервальден, Ури, Швиц, Цуг, Гларус, "горноалеманские острова" в Граубюндене, Лихтенштейне и Форарльберге). Согласно классификации, выводящей швабский за рамки алеманнского (т.е. алеманнский в узком смысле), в последнем различают: нижне-, средне- и верхнеалеманнский, или нижне-, верхне- и горноалеманнский. Подобное вертикально-горизонтальное расчленение алеманнского ареала обязано ряду дифференциальных признаков. Последовательное проведение перебора $k > x$ (kx) в начале слова, удвоение после согласного (так называемая граница Зундгау — Бодензее) в направлении с запада на восток отличают южноалеманнский от североалеманнского, ср.: с.-алем. *Kind, wecke, trinke* ≠ ю.-алем. *Chind, wekche, trinkche*. В свою очередь, характерными фонетическими признаками разделяющими южноалеманскую зону на верхне- и горноалеманнский (граница проходит по приальпийской гряде), являются: дифтонгизация в зынии перед гласным и на конце слова — в.-алем. *schneie, schaie* ≠ г.-алем. *schmie, schnie* и отпадение конечного *n* после *r* в односложных словах — *gäärn* ≠ *gäre*. Языковая граница между нижнеалеманским (верхнерейнским) и швабским, проходящая с севера на юг по Шварцвальду, вобрала в себя следующий пучок изоглос: фонетика — сохранение в нижнеалеманском узких долгих гласных, подвергшихся в швабском дифтонгизации: н.-алем. *zit/Zitt, Hüs/Hüs, Hiser* ≠ шваб. *Zeit, Haus, Heiser*; грамматика — одинаковое окончание для всех трех лиц глаголов мн.ч. наст. вр.: н.-алем. *-en* ≠ шваб. *-et*; лексика — н.-алем. *Matte* ≠ шваб. *Wiese*.

Нижнеалеманнский регион, как известно, оставался в течение продолжительного периода (со времен победы франков над алеманнами в 496 г. вплоть до XVI в.) открытым воздействиям центрально-франкского диалекта, в результате чего состоялась так называемая франкизация нижнеалеманнского. Франкское происхождение обнаруживает следующая совокупность черт: фонетика — удлинение кратких гласных в открытом слоге; делябилизация умлаутов: $\ddot{u} > i$, $\ddot{o} > e$ — *nix/nüt(s), bes/bös*; спонтанная палатализация гласных заднего ряда: $\ddot{u}(u) > \ddot{y}(y)$, $\ddot{o}(o) > \ddot{ö}(\ddot{o})$ — *Brück/Bruck, blei/blei*; смешение звонких и глухих смычных как полувзвонных (глухих слабых) спира́нтная артикуляция интервокальных *b* и *g*: *ow(w)e/obe Waawe/Wage*; сохранение корневого конечного *n* в односложных словах: *Win/wit; Rhin/Rhit*; бесперебойное франкское "k" (с аспирацией перед ударным гласным): *Kirich, Kirch(e)/Chilche; Kalk/Chälch*; реализация спира́нта *ch* как среднеязычного [ç]; грамматика — вытеснение старой (алеманнской) формы причастия II: *gsin, gsin* франкскими формами — слабой *gewest* и сильной стяженной *g(e)wenn, g(e)wann*; преобладание франкских уменьшительных форм на *-el* над алеманскими на *-la, -le*: *Männel, Mannel/Mannle, Mannla*; отеснение алеманских

форм *geh, goh* (=gehen); *gaa* (=geben) франкскими *gehn, gein; genn*; лексика — франк. *Spicher, Speicher; Kascht* / н.-алем. *Bihn(e), Bihni; Schränk, Schänk/Kaschie; Toteläd/Totebäim* (=Sarg); *Grumbire, -beere/Ardäpfel, Hardäpfel* (=Kartoffeln); *Dächkandel/Dachkähner* (=Dachrinne); *Tannebaum, -böüm, -bööm/Chrischtbäum, Wiinnachtsbäum; Quetsch(el), Quatsch(el)/Zwatschge* (=Zwetsche); *Kuche, Kööche, Küeche/Waaj(e)* (=Kuchen); *Plotzmilch/Bunkelmilch; Butter/Anke* [24, 25].

Верхнеалеманнский диалект считается ядром алеманнского ареала. В отличие от нижнеалеманнского он остался не затронутым большинством языковых новшеств франкского происхождения. Этому в значительной мере способствовала известная изолированность его основного (швейцарского) ареала от остальной немецкоязычной области в течение ряда веков (географическое, национально-политическое, экономическое и культурное обособление Швейцарии). Специфика структуры верхнеалеманнского диалекта проявляется прежде всего в сохранении реликтовых фонетических признаков, характерных для староалеманнского в средневерхне немецкий период. К ним относятся: недифтонгизированные узкие долгие гласные *i, ü, ä: synerzyt* (seinerzeit), *luuter* (lauter), *Lüüt* (Leute); архаичные дифтонги *ie, ue, üe: diene* (dienen), *Muet* (Mut), *Büecher* (Bücher); краткие гласные в открытом слоге, не подвергшиеся удлинению; сохранение различия между сильными (fortes) *p, t, k* и слабыми глухими (lenes) *b, d, g*; долгота согласных (геминаты), последовательное проведение перебоя *k > kx* [x]: *Chrüt* (Kraut); выпадение носовых перед спирантами: *Zeis* (Zins); наличие фонемы [j] во всех позициях: *Schpäck* (Speck), *Fänschter* (Fenster) [16, 22; 26, с. 71—160].

Самобытность горноалеманнского диалекта заключается в большей — по сравнению с верхнеалеманским — степени консервации архаичных строевых черт. Фонетика: нередуцированные гласные неударных слогов, уходящие корнями в древневерхне немецкий период: *Betti* (Betten), *Manna* (Männer), *nimi* (ich nehme), *Hano* (Hahn); грамматика: основанная на нередуцированных гласных неударных слогов морфологическая дифференциация падежей и типов склонения: *Taga* (Tage), *Tago* (Gen. Pl.), *zweenu Manna* (zwei Männer); флективная форма прилагательного в предикативном употреблении: *är isch alta, si isch alti, äs isch jüngs* (er, sie, es-ist al); неопределенное местоимение *sum* (irgendeiner); сохранение простого прошедшего и герундия [27; 28, с. 109—111; 29]; лексика: структура горноалеманнского обнаруживает большую — по сравнению с другими алеманскими разновидностями — плотность элементов романского субстрата: франкопровансальского — *bligg* "halbwelk", *Dähle* "Föhre", *Brätschel* "Tragband" и альпийсколомбардского — *Figler* "Schutzhütte", *Spina* "hölzerner, drehbarer Faßhahn", *Kaparre* "Handgeld" [30, с. 12—24].

Не без романского влияния сформировались здесь и отдельные новообразования, функционально замыкающиеся узколокальным (горноалеманскими рамками, ср.: палатализация ср.-в.-нем. *ü, ou, io > ü, öi, üa*; переход билабиального полугласного [w] в лабиодентальный спирант [v]; образование диминутива *-elti/-ti* (из романского *-etta* и алеманнского *-li* с последующей метатезой *-elti > -elti* и обособлением *-ti*) [31, с. 124—126].

Швабский диалект занимает в системе алеманнского особое место. Будучи во многих отношениях достаточно близким норме литературно-письменного (немецкого) языка, швабский является одновременно наименее гомогенным среди алеманнских диалектов. К числу фонетических признаков, наиболее резко отличающих его от других алеманнских разновидностей, относится дифтонгизация долгих гласных: ср.: юж.-алем. *Schaaf, Kääs, wee, root, Wiib, Züüg, Huus* ≠ шваб. *Schauft, Kais, wäi, rout, Weib, Zeug, Hous*. Характерно, что северная область швабского обнаруживает ряд особенностей, объединяющих его с франкскими диалектами [например, отсутствие геминат и аффрикаты *kx*, смешение звонких и глухих как полувзвонких: *daud*(tot), *Grafä* (Kraft) и др.], тогда как южная сохраняет в большей степени староалеманнскую основу (по этой причине швабский нередко называют "дифтонгированным франкоалеманнским"). Кроме того, этот

диалектный регион отличает наличие специфически швабских новообразований [дифтонгизация кратких *ä, o*: *Wäatter, Doarf*; назализованная дифтонгизация: *dai'ka (denken), Strou'pf (Strumpf)* и др.], чему в немалой степени способствовала территориальная замкнутость и изоляция Швабии с конца XIII в. [12, с. 546—551; 145—182].

Выделенные разновидности алеманнского (нижне-, верхне-, горноалеманнский, швабский) по своей лингвистической характеристике, в свою очередь, не представляют собой единства и реализуются в виде множества поддиалектов с соответствующей локальной закрепленностью, ср.: нижне-, верхнеэльзасский, базельско-немецкий, восточно-, среднешвабский и т.д. В совокупности свойственных поддиалектам дифференциальных черт, обнаруживающих себя на всех уровнях диалектной структуры, наиболее существенными являются различия фонетического и морфологического характера. Однако общности основных элементов структуры алеманнских диалектов доминирует над присущими им расхождениями.

В настоящее время алеманнский диалект переживает сложный процесс перестройки своей системы, в котором социально-лингвистические изменения — в направлении как конвергенции, так и дивергенции — составляют основное содержание. Все более отчетливо проявляется тенденция к нивелированию алеманнских поддиалектов (прежде всего швейцарско-немецких, швабских) в направлении сближения с немецким литературным языком, в результате чего происходит формирование так называемых диалектов выравнивания, т.е. собственно надтерриториальных образований. Возникающие "выравненные" диалекты обнаруживают более или менее последовательное устранение примарных отклонений от норм литературного (немецкого) языка, осуществляющееся с разной степенью интенсивности, ср.: *Mr saggd, se würded ezzd gee* (швабский городской полудиалект); *Mr said, se dääre iiaz gao'* (локальный — швабский — диалект в Альтдорфе); *Man sagt, sie täten jetzt gehen* (литературный язык) [33, с. 30]. Характерно, что при общей картине нивелировки по линии сближения алеманнского диалекта с немецким литературным языком наблюдается своего рода встречная реакция, а именно: сопротивляемость алеманнских поддиалектов в процессе их контактирования между собой и с литературным языком, направленная на консервацию отдельных узколокальных (нередко архаичных) строевых признаков, а также на сохранение своих моделей и тенденций развития. Одновременно сопротивляемость алеманнских поддиалектов проявляется в так называемом саморазвитии, т.е. приобретении ими отдельных узколокальных черт нового качества, носящих системный характер. Ср. инновации в турийско-немецком: окончание *w* [v] 1 л. мн.ч. наст. вр. глаголов (*wiar siw, hew, tiaw, gaaw/wir sind, haben, tun, gehen*); суф. *-ana* существительных ж. р. мн. ч. (*müama — müamana/Tanten*); распространение суф. *-i* на все существительные ср. р. мн. ч.; появление диминутива *-tschi (-dschi)* и др. [34, с. 455—460]. Высокая степень сопротивляемости отдельных воспринимающих диалектных подсистем способствует сохранению, а также появлению и одновременному закреплению достаточного числа новых существенных узколокальных черт, затрудняющих акт коммуникации между носителями алеманнских поддиалектов разных пространственных координат даже в пределах одной и той же общности (например, в немецкоязычной Швейцарии) [35, с. 125].

Процесс структурных изменений и перестройки диалектной системы осуществляется не без влияния социальных факторов. Центральный (швейцарско-немецкий) ареал, например, обнаруживает сегодня известное перераспределение границ регионов, в рамках которых использовались традиционно выделяемые швейцарско-немецкие поддиалекты. Поддиалекты ведущих в социально-экономическом и культурном отношении кантонов (Базель, Берн и, прежде всего, Цюрих) как бы функционально подчиняют более широкие регионы, выходящие далеко за пределы кантональных границ. Цюрихско-немецкий, например, занимающий

ведущее положение по числу говорящих на нем, функционирует сегодня помимо кантона Цюрих во всей северо-восточной части страны, а на западе доходит до Ольтена и Золотурна [36, с. 54]. Подобная перестройка региональных позиций разновидностей алеманнского диалекта обусловливает, естественно, диффузность диалектного ландшафта. Поддиалекты более крупных центров (Цюриха, Берна, Базеля и др.), постоянно вступая в контакт с другими диалектными подсистемами различной локальной соотнесенности, оказывают на последние интерферирующее влияние, результатом чего является размывание узколокальной детерминированности отдельных строевых признаков. В процессе подобной перестройки некоторые поддиалекты, будучи "поглощенными" диалектными подвариантами более высокого ранга (бернско-немецким, цюрихско-немецким и др.), совсем исчезают из употребления (примером тому служит бильско-немецкий в Бернбите Швейцарии) [37, с. 150]. Характеризуя масштабность процесса выравнивания алеманнских поддиалектов, следует подчеркнуть, что проблема сущностной характеристики феномена диалект — применительно к алеманнскому ареалу — приобретает в наши дни особую актуальность.

Исторически сложившееся расчленение алеманнского ареала этническим и национально-государственными границами, несомненно, не могло не сказаться на своеобразии социального и функционального статуса диалекта в пределах каждого конкретного социума (немецкоязычная Швейцария, Германия, Австрия, Лихтенштейн, Франция, Италия).

Наибольшей широтой диапазона социально-коммуникативных функций отличается алеманнский диалект Швейцарии, иначе швейцарско-немецкий (Schweizerdeutsch). Здесь диалект является подлинно всеобщим для германошвейцарцев средством повседневного общения (Verkehrssprache) без каких-либо социально-демографических ограничений. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяет национальному (швейцарскому) диалектному образованию участвовать в выполнении функций, которые традиционно не свойственны диалекту. Швейцарско-немецкий — в несколько обобщенном виде, в котором сглаживаются узколокальные черты отдельных поддиалектов — характеризуются значительной экспансией в область общественных функций немецкого литературного языка в его швейцарской окрашенности (Schweizerhochdeutsch). Повышенная социально-функциональная значимость диалекта в рамках германо-швейцарской речевой общности обеспечивается прежде всего его довольно существенной ролью при выполнении официально-деловых функций. Наряду с литературным языком он выступает как средство публичной речи. Швейцарско-немецкий узус характеризуется частичным использованием диалекта и в сфере научной речи. Другой характерной его особенностью является функционирование в литературно-художественной речи. Швейцарско-немецкому диалекту отводится определенная роль в театре и кино. Радио и телевидение также обнаруживают функциональное равновесие обеих форм проявления языка швейцарского узуса (немецкого литературного языка и швейцарско-немецкого диалекта). Кроме того, диалект функционирует здесь и как средство печати, обучения, в качестве языка литературы [38; 39, с. 41—61]. Подобная широта диапазона функционирования швейцарско-немецкого позволяет определить его как "культурный диалект" ("Kulturdialekt", "Ausbaudialekt") или "полужызык" ("Halbsprache") [40, с. 314—315]. Таким образом, процесс коммуникации в пределах германо-швейцарской речевой общности осуществляется в условиях координативной диглоссии (иначе координативного диалектно-литературного двуязычия).

В зависимости от условий коммуникаций германошвейцарцы нередко обнаруживают владение несколькими региональными разновидностями швейцарско-немецкого. Дело в том, что в отношениях между швейцарско-немецкими поддиалектами на шкале престижности прослеживается определенная иерархия. Одна группа поддиалектов (прежде всего так называемые реликтовые, например, диалект Лёчентала в кантоне Вале) предстает сегодня в оценке их носителей

непрестижной, не способствующей социальному успеху и по этой причине функционально ограниченной узколокальными рамками. Вторая группа поддиалектов, функционирование которых не выходит за границы региона их бытования, носит название диалектов с ограниченным радиусом действия (например, валлиско-немецкий в кантоне Вале). Третья группа поддиалектов отличается большим радиусом функционирования, выходящим за пределы их региона (бернско-немецкий, например). И, наконец, на верхней ступени в иерархическом ряду престижности находится сегодня цюрихско-немецкий (в его городской реализации), претендующий на выступление в рамках германо-швейцарской общности в качестве общенациональной нормы [39, с. 50—56].

Противопоставление "язык-диалект" не охватывает, однако, всех типов реально функционирующих форм языка, используемых германо-швейцарцами. На стратификационной оси измерения языковых явлений между "языком" и "диалектом" начинают приобретать в наши дни достаточно осязаемый рельеф также и другие промежуточные ("переходные") типы речи, которые в большей или меньшей степени тяготеют либо к диалекту, либо к литературному языку. В рамках германо-швейцарской речевой общности вполне определенно наметилась тенденция к образованию единого надтерриториального обиходно-разговорного языка (Umgangssprache) [41, с. 40—51].

Для языковой ситуации Германии, отличительной особенностью которой является весьма существенная расчлененность диалекта в территориальном плане (нижне-, средне- и верхне-, или южнонемецкие группы), положение диалекта в целом и алеманнского в зоне его распространения (Баден-Вюртемберг, баварская Швабия) в частности можно признать достаточно устойчивым [42, с. 25—33]. Так, если в среднем 57% населения западной части страны пользуется диалектом в семье и 40% общается на диалекте в процессе производства, то применительно к Баден-Вюртембергу, observable, как отмечалось швабской, верхне- и нижнеалеманнской разновидностями алеманнского и частично франкским диалектом, эти цифры значительно выше и составляют 91,9% и 60,2% соответственно. В южной половине этой земли, где функционирует исключительно алеманнский диалект, отмечается следующее использование диалекта по сферам общения: в семье — 91%, в кругу друзей — 74%, на производстве — 59,7% [43, с. 20—21]. По образному определению Г. Баузингера, для жителей Баден-Вюртемберга алеманнский диалект является "далеко не поэтической праздничной рубашкой, а обычным костюмом на каждый день" [44, с. 153]. Характерно, что активная языковая коммуникация различных социальных слоев населения в Баден-Вюртемберге, в том числе социальных групп более высокого положения в обществе (как замечает Г. Баузингер, "зплоть до фрейбургских и штуттгартских правительственных кругов" [44, с. 153]), осуществляется на основе диалекта *Nonoratiorenschwäbisch* ("швабских уважаемых лиц" [45, с. 127]). По своей сути *Nonoratiorenschwäbisch* представляет собой швабский городской полудиалект, в котором нивелированы примарные признаки местного диалекта под влиянием немецкого литературного языка.

В австрийском Форарльберге алеманнский диалект (его верхне-алеманнская разновидность) продолжает сохранять до наших дней достаточно высокую социальную престижность (равно как и другие баварско-австрийские диалекты в пределах австрийских национальных границ). Помимо функции "домашнего" или "семейного" языка верхнеалеманнский диалект Форарльберга полностью совмещает функции языка повседневного взаимодействия его носителей в рамках данной австрийской провинции [44, с. 153—154; 46, с. 75—86]. В акте же коммуникации с носителями баварско-австрийских поддиалектов, а также в официальных инстанциях жители Форарльберга вынуждены, естественно, использовать чаще немецкий литературный язык, сохраняющий национальные (австрийские) черты — *österreichisches Hochdeutsch* и обнаруживающий здесь широту диапазона социально-коммуникативных функций (как государственный язык Австрии). Как видим,

речевая практика австрийцев Форарльберга — подобно общению носителей алеманнского диалекта в Германии — диглоссна. Примечательно, что здесь (в Форарльберге) сегодня прослеживается тенденция к образованию формы общедоходно-разговорного языка (Umgangssprache) со своими специфическими особенностями в различных районах этой земли Австрии, ср.: "Pfänderdütsch" — в Брегенце, "Bödeledütsch" — в Дорнбирне, "Ganahldütsch" — в Фельдкирхе [47, с. 112; 48, с. 491].

Весьма устойчив в своем функционировании и верхнеалеманнский диалект Лихтенштейна (предками лихтенштейнцев являются алеманны, пришедшие сюда в XIII в. из швейцарского Вале [49; 50, с. 7—95]). В целом специфика языковой ситуации Лихтенштейна в немалой степени определяется характером межгосударственных отношений с соседней Швейцарией, с которой княжество состоит в таможенном союзе (с 1924 г.). Это означает, что Швейцария осуществляет дипломатическое представительство княжества за границей (посла Лихтенштейн имеет лишь в Берне). Кроме того, почта, телеграф, телефон, радио и телевидение находятся также в ведении Швейцарии. Высшее образование лихтенштейнцы получают главным образом в Швейцарии [51, с. 571—572]. Диалект Лихтенштейна, являясь родным языком коренного населения (сельские жители составляют большинство), полностью обслуживает сферу устного общения вне зависимости от социальной и возрастной принадлежности коммуникантов. В сфере же письменного общения используется преимущественно немецкий литературный язык (официальный язык государства), имеющий — в силу отмеченных отношений с Швейцарией — швейцарскую (алеманнскую) окраску. Общение лихтенштейнцев, таким образом, осуществляется — подобно немецкоязычной Швейцарии — в ситуации координативной диглоссии.

Иное положение алеманнского отмечается в Эльзасе. Эта историческая область на востоке Франции на протяжении веков была сферой немецкого и французского влияний. Будучи присоединенным к Франции в XVII в., Эльзас сохранял до революции (1789 г.) обособленность. В условиях централизаторской политики революции и Второй империи французский язык существенно потеснил немецкий. Последний был постепенно исключен из сферы образования. В период 1871—1918 гг., когда Эльзас и Лотарингия отошли Германии, приоритет был за немецким языком. С 1921 г. — после возвращения Эльзаса Франции (1918 г.) — языком обучения признавался французский, а немецкому была отведена роль иностранного. В период гитлеровской оккупации (1940—1944 гг.) французский язык был здесь запрещен. После воссоединения Эльзаса с Францией функциональный статус французского (государственного) языка был восстановлен. Спустя некоторое время — по требованию эльзасской общественности — немецкий был допущен к преподаванию в школе (с 1952 г. в старших классах, с 1970 г. в начальной школе) [52, с. 152—153; 53—54, 55, с. 117—118].

Отличительную особенность языковой ситуации в Эльзасе составляет существование трех подсистем: алеманнского (эльзасского) диалекта, немецкого и французского литературных языков. Алеманнский (нижне- и верхнеалеманнский) диалект является для большинства эльзасцев "родным (первичным) языком" ("Muttersprache", "primäre Sprache"), в рамках которого накапливается опыт социализации личности. Он используется здесь преимущественно в сфере повседневного общения — в семье, в кругу друзей (отсюда "innere Sprache" — "внутренний язык" [56, с. 34—48; 57, с. 71—81]). Кроме того, в Эльзасе продолжает развиваться литературная диалектная (алеманнская) традиция. Последние десятилетия ознаменованы новым расцветом эльзасской диалектной лирики и драмы. На сцене театра осуществляется постановка пьес на диалекте. Популярно здесь и диалектное песенное движение шансонье. Определенная роль отводится алеманнскому (эльзасскому) диалекту на радио и телевидении [58, с. 7—21].

Функционирование немецкого литературного языка ограничивается в Эльзасе частичным использованием в средствах массовой коммуникации (преиму-

ственно, печати), в администрации. Немецкий язык, будучи здесь социально непрестижным (ср.: "Hochdeutsch hat keine soziale Existenz" [54, с. 206]) и сведенным до положения иностранного (Fremdsprache), фактически выключен из реальной языковой практики эльзасцев. Следовательно, алеманнский диалект в пределах эльзасского маргинального ареала функционирует в условиях практически полной изоляции от высшей формы проявления немецкого языка — литературного стандарта (по терминологии Х. Клосса "dachlose Außenmundart", дословно: "окраинный диалект без кровли" [40, с. 321]).

Французский язык (официальный язык Франции) обнаруживает в Эльзасе широкий диапазон социально-коммуникативных функций, обслуживая основные сферы общения: образование, литературу, искусство, науку, религию, радиовещание, телевидение, судопроизводство, общественно-политическую деятельность, государственное управление [57, с. 71—81; 59, с. 149—152]. Благодаря отмеченной социально-функциональной значимости французский в сознании эльзасцев выступает как "рабочий" ("Arbeitssprache"), "внешний" ("äußere Sprache"), "интеллектуальный" ("intellektuelle Sprache"), "язык привилегированных" ("Herrensprache") [60, с. 97—113].

Отмечая специфику речевого поведения эльзасцев, следует подчеркнуть, что степень престижности алеманского диалекта в Эльзасе неодинакова применительно к разным социальным слоям и группам его носителей и определяется возрастом, образованием, полом. Большей престижностью эльзасский диалект пользуется в среде более низких в социальном отношении групп, представителей сельского и взрослого населения, тогда как социальные группы более высокого положения в обществе, городское население и молодое поколение эльзасцев — в целях престижного порядка — отдают предпочтение французскому языку [ср.: диалектом пользуются в деревнях 90% населения, в небольших городах — 81%, в Страсбурге — 62% (1979 г.)] [61, с. 39—62]. По данным В. Ладина, в условиях нижнеэльзасского региона 83% взрослого населения в разговоре между собой использует родной (алеманнский) диалект, из них 53% в общении со своими детьми пользуется диалектом, причем отцы чаще, чем матери, применяют диалект (57% и 49% соответственно) [62, с. 43—57]. Характерно, что доля так называемого "чистого" французского языка, употребляемого в сфере повседневного общения родителей с детьми, составляет всего 12%, в то время как чаще (35%) используется так называемый "смешанный" язык, состоящий из чередующихся речевых фрагментов алеманского диалекта и французского языка. Переключение с родного (эльзасского) диалекта на французский язык и наоборот в непринужденно-бытовом общении членов семьи чаще прослеживается в речи матерей (40%), чем отцов (30%). В целом, однако, процент использования эльзасского диалекта в кругу семьи остается достаточно высоким — 60%. Любопытно, что общение эльзасских детей с людьми пожилого возраста (бабушками, дедушками) чаще происходит в сфере родного диалекта, ср.: 76% — на алеманском диалекте, 8% — на французском языке, 16% — на "смешанном" языке. Что касается функционального включения алеманского диалекта и французского языка в повседневное взаимодействие представителей молодого поколения, то здесь складывается соотношение в пользу французского языка. Общение между братьями и сестрами (14—16 лет) в кругу семьи осуществляется: на французском языке — 42%, на алеманском диалекте — 34%, с так называемым переключением кодов — 24% [63, с. 303—344].

Таким образом, отмеченное распределение функций между компонентами социально-коммуникативной системы в Эльзасе позволяет говорить о наличии здесь асимметричной (алеманско-французской) диглоссии.

Наименее устойчивой считается позиция алеманского диалекта в пределах небольшого числа провинций и коммун, входящих в состав итальянской области Пьемонт (северная часть). Горноалеманская разновидность диалекта, привнесенная алеманнами из высокогорных швейцарских районов Вале (XIII в.) в виде

отдельных "вкраплений" в зону распространения романских диалектов на северо-востоке страны, находится здесь и сегодня на положении так называемого "языкового острова" [64, с. 162—170]. Функциональные возможности горноалеманнского в Италии ограничены сферой повседневного общения внутри национального меньшинства, говорящего по-алеманнски, главным образом в среде старшего и среднего поколений, ср.: в Грессони горноалеманнский диалект использует 41% населения. Для большинства же представителей молодого поколения, обнаруживающих лишь пассивное владение горноалеманнским, родным (первичным) языком считается итальянский. Что касается общения итальянских носителей горноалеманнского вне среды их национального меньшинства, то здесь используется — в зависимости социальной ситуации — либо пьемонтский (галло-италийский) диалект как обиходно-разговорный язык в рамках Пьемонта, либо итальянский литературный язык [65, с. 69—80]. Здесь имеет место, таким образом, ситуация асимметричной (алеманнско-пьемонтской или алеманнско-итальянской) диглоссии. Следует при этом подчеркнуть, что заметная ущемленность (в функциональном отношении) горноалеманнского в Пьемонте не может, естественно, не ставить под сомнение возможность сохранения здесь местной диалектной традиции.

Как явствует из сказанного, ситуация диглоссии, распространяющаяся на алеманнский ареал в целом, предполагает в каждом конкретном случае специфический набор компонентов социально-коммуникативной системы, а также принципов их взаимодействия и взаимодополнения. Учет совокупности социальных и социально-психологических факторов, детерминирующих речевое поведение носителей алеманнского диалекта в условиях определенного социума, несомненно, будет способствовать более глубокому анализу взаимоотношений функционально-стратифицированных языковых образований, претерпевающих изменения как во времени, так и под воздействием общества и языковой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бах А. Немецкая диалектология // Немецкая диалектография. М., 1955.
2. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
3. Жирмунский В.М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л., 1964.
4. Энгельс Ф. К истории древних германцев // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М., 1961.
5. Boesch B. Der alemannische Sprachraum im Bereich des heutigen Baden-Württemberg // Bausteine zur geschichtlichen Landeskunde von Baden — Württemberg. Stuttgart, 1979.
6. Маковский М.М. Сравнительно-историческая диалектография английской лексики: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1969.
7. Erdmann A. Über die Heimat und den Namen der Angels. Uppsala, 1890—1891.
8. Маковский М.М. Этнонимы Англии в сравнительно-историческом освещении // Этнонимы. М., 1970.
9. Маковский М.М. Теория лексической аттракции (опыт функциональной типологии лексико-семантических систем). М., 1971.
10. Matzen R. Der alemannische Sprachraum // Mundart und Mundartdichtung im alemannischen Sprachraum. Strasbourg, 1978.
11. Kleiber W. Westoberdeutsch // Lexikon der Germanistischen Linguistik. 2. Aufl. Tübingen, 1980.
12. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М., Л., 1956.
13. Kleiber W. Die Grenze der alemannischen Mundart am nördlichen Oberrhein in sprachhistorischer Sicht // Festgabe für F. Maurer. Düsseldorf, 1968.
14. Freudenberger R. Der alemannisch-bairische Grenzbereich in Diachronie und Synchronie. Marburg, 1973.
15. Kleiber W., Kunze K., Löffler H. Historischer Sprachatlas. 1—2. Bern; München, 1979.
16. Bachmann A. u.a. Sprachen und Mundarten // Geographisches Lexikon der Schweiz. Bd V, Neuenburg, 1907.
17. Bach A. Deutsche Mundartforschung. Heidelberg, 1950.
18. Bohnenberger K. Die alemannische Mundart. Tübingen, 1953.
19. Jutz L. Die alemannischen Mundarten. Heidelberg, 1931.
20. Maurer F. Oberhainer, Schwaben, Südalemannen. Straßburg, 1942.
21. Ochs S. Die Gliederung des Alemannischen // Germanistische Monatsschrift. 1921. 9.
22. Sprachatlas der deutschen Schweiz. Bd I—IV. Bern, 1962—1975.
23. Diialektologie: Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Bd 1—2. B.; N.Y. 1983.
24. Vorarbeiten und Studien zur Vertiefung der Südwestdeutschen Sprachgeschichte. Stuttgart, 1965.

25. Wenker G., Wrede F., Mitzka W. Deutscher Sprachatlas. Lf. 1—15. Marburg, 1926—1952.
26. Haas W. Die deutschsprachige Schweiz // Die viersprachige Schweiz. Zürich; Köln, 1982.
27. Wolfensbergen H. Mundartwandel im XX. Jahrhundert. Frauenfeld, 1967.
28. Trüb R. Neue Einsichten in Gliederung, Wandlung, Leistung der schweizerdeutschen Dialekte // Sprachspiegel, 1969, Hf. 4.
29. Haas W. Sprachwandel und Sprachgeographie. Wiesbaden, 1978.
30. Böde-littütsch. Wörterbuch mit Bildern aus dem Volksleben. Unterseen, 1983.
31. Glatthard P. Dialektologisch — volkskundliche Probleme im Oberhasli. Bern, Stuttgart, 1981.
32. Deutsche Dialekte. 9 Dialekte der BRD. Bonn, 1980.
33. Vort F.E. Vielerlei Sprechweisen (Schwäbisch) // Dialekt. Texte und Materialien zur sozialen und regionalen Sprachdifferenzierung. Frankfurt-a.-Main; Berlin; München, 1981.
34. Russ Ch. Konservatismus und Innovation in der Mundart von Bosco Gurin // Akten des VI. Internationalen Germanisten-Kongresses Bern, T. 2. 1980.
35. Flückiger Th. Versteht jedermann Walliser Deutsch? // Sprachspiegel. 1973. Hf. 4.
36. Ris R. Dialekte und Sprachbarrieren aus Schweizer Sicht // Dialekt als Sprachbarriere? Tübingen, 1973.
37. Schweizer Dialekte. Basel; Stuttgart, 1965.
38. Schwarzenbach R. Die Stellung der Mundart in der deutschsprachigen Schweiz. Frauenfeld, 1969.
39. Ris R. Dialekte und Einheitssprache in der deutschen Schweiz // International journal of the sociology of language, 1979. № 21.
40. Kloss H. Abstandsprachen und Ausbausprachen. // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.
41. Домашнев А.И., Помазан Н.Г. К понятию Umgangssprache в немецком языке Швейцарии // ВЯ. 1981. № 3.
42. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.
43. Besch W., Löffler H. Dialekt / Hochsprache kontrastiv. Alemannisch. Düsseldorf, 1977.
44. Bausinger H. Die "Alemannische Internationale" // Recherches Germaniques. 1978.
45. Bichel U. Problem und Begriff der Umgangssprache in der germanistischen Forschung. Tübingen, 1973.
46. Köb F. Wofür der Lehrer keine Einser hat ... Dialekt. Schulbürokratie und Lehrerausbildung in Vorarlberg // Allmende. 1981. Hf. 3.
47. Wiesinger P. Das Schweizerdeutsche aus österreichischer Sicht // Das Deutsch der Schweizer: Zur Sprach- und Literatursituation der Schweiz. Aarau; Frankfurt-a.-Main, Salzburg, 1986.
48. Домашнев А.И. Национальный язык и его социофункциональная стратификация (на материале стран немецкой речи). ИАН СЛЯ 1989. № 3.
49. Stricker H. Zur Sprachgeschichte des Rheintals vor allem Werdenbergs und Liechtensteins // Die Sprachlandschaft Rheintal. St. Gallen, 1981.
50. Gabriel E. Die Liechtensteinsche Mundart im Rahmen ihrer Nachbarmundarten // Die Sprachlandschaft Rheintal. St. Gallen, 1981.
51. БСЭ. 3-е изд. Т. 14. М., 1973.
52. БСЭ. 3-е изд. Т. 30. М., 1978.
53. Magenau D. Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache im Elsaß und in Lothringen. Mannheim, 1962.
54. Ladin W. Der elsässische Dialekt — museumsreif? Strasbourg, 1982.
55. Гак В.Г. Введение во французскую филологию. М., 1986.
56. Gunz E., Weckmann A. Auf zwei Stühlen. Variationen zum Thema "Das Sprachverhalten der Elsässer" // Allmende. 1983. Hf. 2.
57. Philipp M. Abschließende Bemerkungen zum Thema Dialekt, regionale Umgangssprache und Hochsprache im Elsaß // Mundart und Mundartdichtung im alemannischen Sprachraum. Strasbourg, 1978.
58. Nachrichten aus dem Elsaß. Deutschsprachige Literatur in Frankreich. Hildesheim; New York, 1977.
59. Zimmer R. Dialekt — Nationaldialekt — Standardsprache. Vergleichende Betrachtungen zum deutsch-französischen Kontaktbereich in der Schweiz, im Elsaß und in Luxemburg. // ZDL. 1977. Hf. 2.
60. Hartweg F. Sprachkontakt und Sprachkonflikt im Elsaß // Sprachkontakt als Ursache von Veränderungen der Sprach- und Bewußtseinsstruktur. Innsbruck, 1981.
61. Tabouret-Keller A., Luckel F. Mainien de l'alsacien et adoption du français. Elements de la situation linguistique en milieu rural en Alsace // Langages. 1981. № 61.
62. Ladin W. Deutsch in Ostfrankreich. Die derzeitige Verbreitung des elsässischen Dialektes // Germanistische Mitteilungen. 1980. Hf. 12.
63. Ladin W. Die Mehrsprachigkeit in Straßburg im Vergleich zu anderen unterelsässischen Städten und Dörfern // Sprache der Gegenwart. 1982. Bd 56. Düsseldorf.
64. Hirsch E. Zur Lage der romanischen Dialekte in Oberitalien, insbesondere Piemont // ZDL. 1974. Hf. 2.
65. Egger K. Die deutsche Sprache in Italien. Germanistische Mitteilungen. 1982. Hf. 15.